

Вадим Месяц

Общество спектакля

Пьеса

В дворцовой спальне
спрятан сон младенца:
иголка в сене, бусинка в глазу,
кривые соловьиные коленца,
усыпанные листьями в лесу,
невидимый, неслышимый, немой,
он как живая бабочка зимой.

В скрипящей двери
спит скрипичный ключ,
но за ночь совершит пол-оборота,
письмо идёт на плаху под сургуч,
в гороховый стручок ложится нота;
тюльпаны перемотаны бинтом
и тянутся во тьму овальным ртом...

Ребёнок дышит, кутаясь в тепло
лоскутных одеял с лебяжьим пухом,
запотевают синее стекло,
соприкоснувшись с беспокойным духом,
что рвётся вместе с птицами на юг,
сломав три старых трости и каблук.

Вращается живой калейдоскоп,
переполняясь бречек пёстрым бегом,
со всех сторон подтаявший сугроб
бока латает прошлогодним снегом,
пока в печи румянится пирог,
нежданный, как подкидыш на порог.

Кормилицы ночлег сторожевой
спокоен, будет день и будет пища.
Сон короля, топор без топорща,
уходит в чёрный омут с головой;
и в сладострастной патоке халвы
увязли хлебосольные волхвы.

Наследный принц,
что фляга с молоком,
ты в будущем безвестном целиком,
а прошлого захлопнулись страницы.
Петух поёт в пылающей столице,
колёса мельниц вертятся кругом.
И мира разбегаются границы,
застигнуты внезапным сквозняком.

* * *

Алмазная крошка,
разбитая напрочь посуда,
солёные брызги на розовых щёчках шатенки,
мне снятся, пока индевет полёт парашюта,
и пёрышком с ягодных клёцок
снимаются пенки.

Пунктирная шпага
на пике высокого взмаха
рассыпалась звонкими, словно капель, позвонками,
но, словно по швам, разошлась трудовая рубаха
с раскрытыми для векового
объятья руками.

Актёрская слава
важней, чем солдатская слава:
ей сложно остаться посмертной в сознании подруги.
Большим хороводом в садах растянулась облава,
и лают собаки, и слышатся
громкие звуки.

В гранитной норе,
где блаженствуют скользкие змеи,
сплетаясь в любовной истоме в канаты и тросы,
змеиную мову по-прежнему не разумея,
ты вспомнишь прелестной Марии
упрямые косы.

И стан её тонкий,
похожий на юркую прялку,
и взгляд её томный, что выйдет товарищу боком.
Скорее включи в вышине
голубую мигалку...
И нас напои родниковым
грейпфрутовым соком.

Театр

Общество спектакля в театр
ходит посмотреть на себя,
страшный заключительный кадр
сердцем деловым торопя.

Оперные дивы в толпу
расплескав трагический смех,
скрещивают руки на лбу,
крепком, как волшебный орех.

Попугай платочком накрыт,
должен тихо в клетке сидеть,
но без умолку дурак говорит,
заглушая радиосеть.

Время завершило виток,
распрямилось вдаль, как стрела.
Только бесполезный цветок
надо бы убрать со стола.

Строили с тобой новый мир,
прожигали жизнь без любви.
И теперь на кухне вампир
отжимает тряпки в крови.

Призрак оперы

У оперной дивы на томной груди,
в тоске материнства и долгого звука,
любовь стала ветрена и близорука
и жаждет финала в начале пути.

Мегера рыдает, а нимфа поёт,
меняясь местами во время антракта.
И нам ненавистен правдивый полёт
от первого и до последнего такта.

Ночная рубашка, как слава, легка,
когда обернётся деталью рассвета.
Спет «Бал-маскарад», а душа не отпета.
И всё тяжелее смотреть в облака.

Обрушились сети на голый помост,
срывая молочные клочья тумана.
И вот птичьим ртом открывается рана,
и прямо над нею склоняется дрозд.

Теневая дорога

Под подушкою дорога бежит,
из ракушек белый поезд идёт,
а любовь сначала обворожит,
а потом твоих детей украдёт.

Проржавевшею иглой в яйце,
что застряла между двух полюсов,
застывает чья-то тень на лице,
словно стрелка привокзальных часов.

Скоро кончится унылая ночь,
но на день наденет чёрный чулок,
беспричинно щёлкнет маленький нож,
пряча в брюхо перочинный клинок.

И по очереди к кромке стола
твои дети дневники принесут:
меж страницами печная зола
над собою завершит самосуд.

Улыбаясь под прозрачным зонтом
я всмотрюсь в твою закрытую дверь
и увижу всё, что будет потом,
не заметив, что творится теперь.

Ты брусникою наполнишь ведро,
и на ручку намотав старый бинт,
всколыхнёшь моё смурное нутро
безымянностью давнишних обид.

Что мне счастье расточительных слов,
светлый морок ослепительных слёз,
если вспомнить свой оставленный кров,
легкий шелест новогодних стрекоз.